



Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

Из писем П. Н. Савицкому

1

1 января 1933¹

Вы спрашиваете моего суждения о харбинских федоровцах. Не будучи философом, я, конечно, не могу судить особенно компетентно. Сочинение А. К. Горностаева «Достоевский и Федоров»² не выдерживает никакой критики. Это — совершенно недопустимый подход к литературе. Другое его сочинение, «Толстой и Федоров»³, несколько лучше, главным образом потому, что оперирует не с литературными произведениями, а с биографическими данными. Но, в общем, неприменное желание федоровцев доказать решающее влияние Федорова на всех русских мыслителей своего времени совершенно антиисторично. Положительных свидетельств о таком влиянии слишком мало, и только разглядывая их сквозь лупу сектантского фанатизма, можно усмотреть в них то, что усматривают федоровцы. При этом упускается из виду крайне неустойчивый и склонный к минутным увлечениям характер русских «богоскаутелей-профессионалов» того времени. И Достоевский, и Толстой того времени, а уж особенно Владимир Соловьев вполне могли написать кому-нибудь восторженное письмо, что-де они с ним во всем согласны, неделю-две носиться с каким-нибудь открытым ими мыслителем, а через год уже настолько его позабыть, что и следов-то не разыщешь. Из произведений Остромирова я читал только «Организация мировоздействия»⁴. Высказываться об этой книге значит высказываться о федоровстве вообще⁵, к чему я, повторяю, как не философ и не богослов не компетентен. При чтении федоровских книг у меня возникают вот какие мысли. Чего, собственно, требует от людей Федоров, говоря практически? Чтобы люди сосредоточили все свои усилия на упразднении смерти и воскресении мертвых. Но ведь существуют ученые медики, которые только и делают, что ищут способы упразднения смерти. Правда, зато есть некоторое (кстати, вовсе уж не такое большое) число ученых артиллеристов и других подобных им, которые изобретают

способы массового уничтожения людей. Но неужели дело упразднения смерти подвинулось бы, если бы этих инженеров-артиллеристов не было или если бы им всем было приказано учиться медицине и заниматься исканием способов упразднения смерти? Конечно, нет. Научные открытия зависят не от числа изобретателей, ломающих себе голову над какой-нибудь проблемой. В современной Америке (да и в Европе) гениальный медик, которому удастся изобрести не то что средство упразднения смерти, а хотя бы средство против рака или против туберкулеза, заработает на своем открытии гораздо больше, чем инженер-артиллерист, изобретший какую-нибудь ужасную пушку. Т^аким^о б^разом^м, материальная выгода и при современной цивилизации толкает людей скорее к тому, чтобы заниматься научной медициной. И если, тем не менее, не все на это идут, то объясняется это тем, что большинство людей к этому роду деятельности не чувствуют призвания, а без призвания наукой плодотворно заниматься нельзя, — это все мы, ученые, знаем, знаем и то, что каждый ученый имеет призвание только к одному определенному кругу наук, и только в пределах данных наук может что-нибудь дельное изобрести (если он вообще по своей природе изобретатель). Если упразднение смерти и воскресение усопших должно быть достигнуто «прогрессом науки», — то это есть отнюдь не «общее дело», а дело очень небольшого числа ученых специалистов, работающих в лабораториях. — Церковь учит, что в последний день мертвые воскреснут, плоть преобразится, сделается новая земля и новое небо и что все это произойдет чудом, по слову Божию. О том, чтобы в этом участвовали сами люди, ничего нигде в Писании не сказано, и Отцы Церкви понимали это так, что воскресение и преображение произойдет без активного участия человеческого разума. Федоров предлагает верить, что все это произойдет благодаря научному прогрессу. Спрашивается: чему легче поверить? Кому, как мне, много пришлось на своем веку полечиться, тот знает цену современной медицине и в ее грядущее всемогущество верить не склонен. Да и вообще, когда заглянешь за кулисы современной науки... Словом, я считаю, что толкование Святых Отцов куда правдоподобнее мечты Федорова. — Не понимаю я в федоровстве и еще одного. В Писании определенно сказано: «и изъидут сотворшая благая в воскресение живота, а сотворшая злая — в воскресение суда»⁶. Как различить эти две категории воскресших при химическо-биологическом способе воскресения? Вообще вся этическая сторона Философии Федорова совершенно искусственно прикреплена к «организации воздействия на мироздание». Тут, с одной стороны, спекуляция на игру слов: «дружная работа», т. е. коллективное и хорошо организованное действие, вовсе не предполагает «дружбы», т. е. взаимного доброжелательства. С другой стороны, спекуляция на распрост-

ранный в обществе миф о том, будто ученые занимаются наукой из любви к человечеству (тогда как на самом деле для настоящего, хорошего ученого его наука просто страсть — как игра для игрока или вино для алкоголика, — а об человечестве он и не думает). — Все мировоззрение Федорова представляется мне некоторым эквивалентом позитивистического культа Разума, но только глубоко автохтонным русским. Безоговорочная вера в науку и в прогресс была характерна для того времени. У Федорова эта вера настолько сильна, что стала равна религии. Не думаю, однако, чтобы при настоящем философском подходе можно было оправдать это отождествление науки и религии.

Во всяком случае, дальневосточные федоровцы меня интересуют, и я очень рад буду и впредь получать их издания, несмотря на то, что сам ни в коей мере не являюсь сторонником Федорова.

2

19 июня 1934⁷

Когда сравниваем современную стадию евразийства с докламаровским периодом, приходится констатировать упадок идеологического творчества, а главное — упадок идеологической самостоятельности. Соблазн вместо выковывания собственной самобытной идеи принять готовые чужие учения Маркса и Федорова восходит к Сувчинскому⁸. Соблазн этот не только не преодолен, но наложил на все последующее евразийство, как кламарское, так и некламарское, глубокий отпечаток. Разговоры о синтезе Федорова и Маркса все продолжаются, и не только у дальневосточных попутчиков евразийства, но, по-видимому, и в европейских еа-группах. В свое время Сувчинский и Мирский руководились отчасти снобизмом, а отчасти просто подготавливали капитуляцию перед большевизмом: марксизм нужно было принять, потому что он-де в СССР глубоко укоренился, и от него «новый правящий отбор» отказаться не может, а федоровщина есть удобный мост от православия к материализму. В настоящее время евразийцы, толкующие о синтезе марксизма и федоровщины, либо руководствуются «тактическими соображениями», либо просто ленятся выдумать что-нибудь свое собственное и, расписываясь в своем идеологическом бессилии, готовы ухватиться за любые⁹ чужие идеи. Во всяком случае, вопрос об истинности или ложности этих идей, в сущности, даже не ставится, а ставится вопрос лишь об их прагматической ценности — явление, по-моему, глубоко упадочное. Чтобы выпрямить идеологическую линию евразийства, необходимо резко порвать с федоровщиной¹⁰ и прекратить подлаживание к марксизму¹¹.

